

ББК 63.3(2)513-7

В.Н. Асочакова

К вопросу о периодизации миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири*

Ключевые слова: Русская православная церковь, хакасы, новокрещенные, христианизация.

Key words: the Russian Orthodox Church, the Khakass, newly-baptized Christians, church-parish communities.

Религиозная политика Российского государства и Русской православной церкви (далее РПЦ) среди коренных народов Сибири, сохраняя преемственность, в XVIII–XIX вв. постепенно эволюционировала от нетерпимости к толерантности. Период с последней трети XVIII в., когда в России был юридически закреплён принцип веротерпимости, характеризуется спадом миссионерской деятельности.

В исторической литературе «веротерпимость» трактуется как религиозная толерантность, но в XVIII в. она имела иное содержание – по отношению к исламу, язычникам и шаманистам она проявилась в установлении цивилизованных отношений, отказу от массовых крещений. По мнению представителей духовенства, результатом политики веротерпимости явился провал православной миссии в Сибири. Известный церковный деятель Филофей Орнатский отмечал, что «появились у нас своеобразные взгляды на дело миссионерское, как на исключительно дело церкви, стали говорить, что вмешательство государственной власти в дело обращения язычников в христианство несправедливо, ибо влечет к нарушению правил веротерпимости, надо де представить каждой вере, в том числе и языческой, жить народу так, как хочет сам народ. Такие взгляды, будучи осуществлены по отношению к инородцам в Сибири, привели к тому, что успехи христианской проповеди приостановлены на долгое время, затрудняются и в настоящее время» [1, с. 242]. Неоднозначно оценивали итоги миссионерской деятельности и историки. Например, С. В. Бахрушин писал, что в конце XVIII в. начался застой миссионерской деятельности, продолжавшийся до конца 20-х гг. XIX в. [2, с. 21–22]. А красноярский историк Л. П. Шорохов, напротив, полагал, что в этот период упадка в политике христианизации не было [3–4]. Различные оценки христианизации народов Сибири во второй половине XVIII в. встречаются и в современной историографии. А.С. Кузьмина, изучавшая крещение коренных народов Северо-Западной Сибири, отмечает, что уже в 1789 г. действия миссионеров в Сибири были приостановлены и возобновлены только в 1828

г., в целом для крещения коренных народов в XVIII в. применялись ненасильственные методы [5, с. 127]. Ф.Г. Ислаев пишет, что с точки зрения количественных показателей и «достижения стратегической цели – христианизации – следует говорить о ее высокой эффективности», но в социокультурном плане христианизация вызвала «ситуацию глубокого раскола» в Волго-Уральском регионе [6, с. 34].

Таким образом, политика «веротерпимости», отправной точкой которой явилось провозглашение Екатериной II на совместном заседании Сената и Синода в 1763 г. принципа «свободы совести», имела региональные различия реализации и привела к неоднозначным последствиям.

Целью данной статьи является общая характеристика миссионерской деятельности в 1764–1799 гг. в Тобольской епархии, анализ ее результатов на примере коренного населения Хакасско-Минусинского края. Количественные показатели христианизации (число, процентное соотношение) выявлены на основе изучения делопроизводственной документации духовных консисторий: отчеты священнослужителей, исповедные росписи, метрические записи, именные списки новокрещенных.

Законодательное оформление религиозной политики, ее регламентация вместе с детализацией фискальной политики происходили в условиях Нового времени, когда в Россию проникли секулярные социокультурные ценности. По мнению Ю.Ю. Синелиной, в XVIII в. начался первый цикл «секуляризации религиозного сознания» образованных слоев российского общества [7, с. 121–145]. Объективные причины реформы религиозной политики связаны процессом интеграции Сибири в единую систему хозяйственных, политических, культурных связей Российской империи. Правительство Екатерины II продолжило практику списания недоимок ясака, разработало ряд указов о применении норм обычного права в суде для «инородцев», о передаче ясака в ведомство Кабинета ее императорского величества. Для этнической и конфессиональной дезинтеграции коренных народов Сибири стала активно проводиться политика русификации. В этом плане православие с точки зрения самодержавия и православных миссионеров должно было стать идейным инструментом, способным объединить все население империи, русифицировать его. Екатерина II писала: «Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-63509а / Т

один на другого, непохожих. Однако же, необходимо шить каждому приличное платье. Легко положить общие, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять» [8, с. 359]. Следующей причиной проведения церковной реформы было сопротивление нерусских народов массовой принудительной христианизации. Рост социального протеста заставил правительство в 1764 г. закрыть Новокрещенскую контору, провозгласить свободу вероисповедания, а в конце века отказаться от института миссионеров. Вместе с тем отход от активного миссионерского давления на новокрещеных активизировал вероотступническое движение.

После упразднения конторы Новокрещенских дел вопросами крещения нерусских народов стали заниматься епархиальные власти [9, с. 281–282]. В епархиях с большим числом новокрещеных и язычников (Казанская, Иркутская, Тобольская, Нижегородская, Вятская, Рязанская, Астраханская) вводились должности штатных миссионеров с жалованием 150 рублей для покупки «бумаг, чернил и крестов» [10, т. XVI, №2116]. Материальное содержание миссионерской деятельности (подводы, переводчики и пр.) возлагалось на местные казенные учреждения.

Переход к систематической миссионерской деятельности вызвал недовольство как новокрещеных, так и приверженцев традиционных верований, поскольку российские неправославные народы восприняли новый принцип как возможность исповедания своей веры без ограничений, в то время как РПЦ интерпретировала веротерпимость как возможность беспрепятственного принятия «иноверцами» православия [6, с. 9].

В выступлениях депутатов от ясачных в Уложенной комиссии (1767 г.) прозвучали следующие требования: обеспечение надежной защиты от обид как со стороны русских, так и некрещеных, облегчения податного бремени, соблюдение льготного статуса для новокрещеных и т.д. От «Кыргызской землицы», как называли тогда Хакаско-Минусинский край, депутатом был кызыльский родовой князь Ульчугачев, на средства которого возводилась Ужурская церковь (1760–1771 гг.). Депутаты, в свою очередь, должны были донести до своих избирателей мнение императрицы по религиозному вопросу, отраженному в примерном Наказе: «В столь великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма вредным для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер... Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самый жестокий иных сердца и отводит их от упорства, утешая споры их, противные тишине государства и соединению граждан» [8, с. 175]. Манифест «О дозволении в империи Всероссийской свободного различных вер исповедания» гласил: «Мы

не только дозволяем во обширной империи нашей свободное различных вер исповедание, но милость и покровительство наше распространили» [11, л. 1].

РПЦ после упразднения конторы Новокрещенских дел в миссионерской деятельности стала ориентироваться на принципы веротерпимости. С этой целью комиссия из членов Синода под председательством новгородского митрополита Димитрия (Сеченова) разработала проект, состоящий из инструкции архиереям-проповедникам и присяги. Правила инструкции предписывали миссионерам, отправляющимся для проповеди, прежде получить наставления архиерея; проповедовать разрешалось только в ближайшей к архиерейской резиденции местности; обязательно информировать о миссионерской деятельности гражданские власти, «дабы они смогли справедливо защищать» от угроз и иной опасности. Церковную службу проповедники должны были вести на русском языке, но «Символ веры, десятословие и молитву Господню» обязаны были объяснять на родном языке новокрещеных. Для этого предлагалось в дальнейшем привлекать в семинарии способных людей из новокрещеных [12, л. 76]. Приходским священникам запрещалось без разрешения епархиальных властей ездить с целью крещения. Проект получил одобрение императрицы, и с 1769 г. новые правила стали применять в епархиях. Впоследствии они были дополнены с учетом опыта миссионерской практики, например, 3 апреля 1788 г. было сделано дополнение о том, чтобы «новокрещенские» мальчики обучались в семинарии [12, л. 78].

В 1773–1775 гг. в условиях обострения социальных и конфессиональных противоречий, вылившихся в «пугачевщину», Екатерина II издала указ о веротерпимости. Правда, «первенствующей и господствующей» оставалась РПЦ, т.е. она пользовалась исключительным правом вести миссионерскую деятельность [10, т. XIX, №14164]. В новых условиях требовались иные формы и методы крещения многочисленных народностей восточных окраин Российской империи. Упорное сопротивление нерусских народов политике насильственной христианизации, рост социальной напряженности и очевидная формальность крещения стали причинами отказа от активного миссионерства. В 1789 г. Синод ограничил деятельность миссионеров в Казанской и Иркутской епархиях, в Тобольской она проводилась до 1799 г., когда и здесь ликвидировали должности штатных миссионеров. В 1800 г. миссионерские поездки были запрещены по Красноярскому заказу, а затем во всей Восточной Сибири начался отказ от активной христианизации. Причин слабости миссионерства было несколько, в том числе отсутствие средств – подводы, питание должны были давать обыватели или инородцы. Кроме того, как отмечали сами миссионеры, крещеные не стали верующими, а священников в епархии так мало, что они годами не бывают среди неофитов [13, л. 1–2].

Церковная организация Хакасско-Минусинского края до 1823 г. входила в Красноярский заказ Тобольской епархии. Здесь в феврале 1764 г. были назначены миссионеры Никита Арамельский для крещения нерусских народов на территории Ачинского заказа и Алексей Михайловский** – Красноярского. Их деятельность продолжалась до 1799 г. Уже в 1766 г. Михайловский сообщал митрополиту Тобольскому о результатах миссионерской деятельности среди качинцев: «...воспринявшие святым крещением с некрещеными татарами единокупное улусами жительство имеют, и никакой отмены против прежней своей замерзлости к содержанию благочестия не имеют, и как прежние свои ядения и пития употребляли, тако и ныне с теми в обществе будучи, всегда с некрещеными татарами оскверняются. В тех улусах у татар, как в юртах, так и около юрт и вблизи их жилищ на дорогах, речках и озерах поставляются по вере их нечестивые шайтаны, которые жертву по своему богомерзкому обычаю приносят и веруют в них, а крещенные малолетние отроки, живучи в единых улусах и, видя, что делают их купнородные, тем же и они охотно навывают идолослужениям. Шаманщики, те есть диавольские служители, которые веруют в беса и ему, отдавши себя вечно, служат, пребывают в обществе с восприявшими святое крещение, и к шаманству своему, как несведущих бога, так и просвятившихся святым крещением лестно привлекают, и тем своим бесовским шаманством величие божье отдалают от милосердия его...» [14, с. 129].

Другой взгляд на крещение коренных народов Тобольской епархии содержится во всеподданнейшем докладе Святейшего Синода (2 октября 1767 г.) Екатерине Великой: «проповедают тем людям, которые и не слыхивали, как по-русски говорят». Далее описаны методы привлечения в православие: «Обольстя награждением, напоя пьяных или устрашая разными случаями всех христиан, стараются умножить единственно для их интересу» [15, л. 7]. Кроме привлечения материальными выгодами, «устрашают отступников от веры христианской штрафами и через то грабят их бесчеловечно. Ежели кто требуемого не даст, тогда берут и на их же подводах и коште возют за собой по протчим жилищам в забитых колодах». Подчеркивалась формальность крещения: «Молодых благословляют медными крестами, а что до христианского знания о том неважно ведать, и в помышлении

** Алексей Михайловский – выдающийся местный церковный деятель, третий заказчик Красноярского духовного правления, родился в городе Нежин Черниговской губернии. В течение 40 лет, с 28 февраля 1750 г., служил протоиереем Красноярского Преображенского собора. По инициативе Михайловского в Красноярске была открыта латинская школа для детей духовенства. В преклонном возрасте овдовевший Михайловский подал прошение, в котором просил уволить «по старости лет и разрешении отбыть на родину в Киев». Вскоре разрешение было получено, но Михайловский к этому времени заболел и 1 марта 1790 г. умер.

у них не было... Обобрав и через пять лет то жилище не навестит, а благоразумно дает время, чтобы новый христианин пограбленное им промыслами своими пополнил...». Другой способ крещения «к грабительству сего несмышленного народа... найдут давно умершего или вновь рожденного и некрещеного, привязываются для чего некрещен, и для чего умерший без священника погребен, и приписывают к поруганию веры христианской» [15, л. 7об.–8].

К докладу прилагалось «всеподданнейшее мнение каким образом учредить проповедь слова божьего»: заменить митрополита***, чтобы он «благоразумно» разрешал жалобы новокрещенных на злоупотребления священников; крещение проводить в тех местах, где поблизости есть церковь; производить в священники из представителей тех народов, которых освящают крещением, для чего завести школы среди нерусских народов; привлекать к службе священников, которые знают языки народов Сибири [15, л. 9–9об.].

Результаты показатели миссионерской деятельности в Хакасско-Минусинском крае приведены в таблице.

В течение 60–70-х гг. XVIII в. сохранялся потенциал религиозной политики елизаветинского времени, когда христианизация носила массовый и комплексный характер, в силу инерции она была продолжена и на епархиальном этапе миссионерства. За время

Динамика численности новокрещенных в Хакасско-Минусинском крае в XVIII – первой четверти XIX в.

Население	1760-е гг.	1795 г.	1823 г.
Душ об. пола	6112	16376	21182
Новокрещенные	2400	5364	6241
Доля новокрещенных в % от общего числа населения	39,2	32,7	29,46

Источники:

Архивное агентство администрации Красноярского края. Ф. 592. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–32; Д. 63. Л. 266; Д. 189. Л. 373–536; Д. 215. Л. 98; Д. 136. Л. 126–144; Д. 40. Л. 1–38; Д. 44. Л. 36–44; Д. 131 (I, II); Д. 85, 53, 75; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина первая. 1772–1773 / пер. В. Зуева. СПб., 1788. С. 624; Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 1. С. 21–35; Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М., 1833. С. 82–125; Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 102, 106.

*** Необходимо отметить, что Тобольский митрополит Павел Конюскович вместе с Арсением Машеевичем, митрополитом Ростовским, выступил против церковных реформ Екатерины II, поэтому оценка Синодом явно тенденциозна. Доклад назывался «О жалобах на Тобольского митрополита Павла». Вопрос о его замене был уже предрешен, в 1768 г. митрополит Павел был лишен сана и сослан в Киево-Печерскую лавру, а Тобольская митрополия понижена до епархии.

деятельности Новокрещенской конторы (1740–1764 гг.) значительная часть нерусского населения Российской империи была крещена. В Хакасско-Минусинском крае доля новокрещенных в это время составляла 39,2% коренного населения, после официального ограничения миссионерской деятельности – 32,7% (табл.). Отрицательная динамика обращения в православие распространилась и на XIX в. Несмотря на попытки массовых крещений, предпринятые Михайловским, постепенно центр тяжести перемещался в приходские общины. В Хакасско-Минусинском крае образовались две церковных общины новокрещенных: Ужурская (1760–1775 гг.) – на севере и Аскизская (1771 г.) – на юге [16–19]. К первой было приписано более 1700 крещенных хакасов [16, л. 2об.], ко второй – около тысячи из 15 улусов [20, с. 624–631]. Почти во всех приходах Хакасско-Минусинского края (Бараитский, Новоселовский, Анашенский, Абаканский, Луказский, Курагинский, Минусинский, Назаровский, Караульно-Острожский, Балахтинский, Курбатовский, Подсосенский и др. – всего 16) проживали новокрещенные хакасы.

Таким образом, с последней трети XVIII в. в политике христианизации коренных народов Сибири начинается новый период, связанный с изменением ее форм и методов. Провозглашенные светской властью принципы веротерпимости и ненасильственности крещения не были восприняты частью православных иерархов, типичными представителями которых были Тобольский митрополит Павел Конюсевич и красноярский заказчик Алексей Михайловский, их

объединяла принадлежность к южнорусской школе российского духовенства. Столь же не подготовлено оказалось и приходское духовенство, на плечи которого была возложена православная миссия в этот период миссионерской деятельности. Несмотря на довольно стабильные в течение длительного времени количественные показатели – около трети автохтонов, принятие православия не привело к смене этнического самосознания и этнической идентичности, о чем свидетельствуют и отчеты священнослужителей и подсчеты исповедных росписей.

Христианизация коренных народов Сибири исторически осуществлялась двумя путями: первый – централизованная, целенаправленная миссионерская деятельность, крещение приходскими священниками. Второй путь распространения христианства – пассивный, нецентрализованный, неорганизованный, через контакты с русским православным населением. Специфика этнодемографического и социально-экономического развития Хакасско-Минусинского края создавала условия для реализации преимущественно второго пути христианизации. Переселенческая политика привела к изменениям этнодемографической ситуации в Хакасско-Минусинском крае к концу XVIII в.: численное преобладание русского населения способствовало установлению межкультурных и межцивилизационных контактов и взаимодействия. Эволюция религиозной политики от нетерпимости к толерантности создавала для этого относительно благоприятную почву.

Библиографический список

1. Орнатский, Ф. Слово пастыря / Ф. Орнатский // Енисейские епархиальные ведомости. – 1890. – №15.
2. Бахрушин, С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. / С.В. Бахрушин // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. – Вып. 2. – Пг., 1922.
3. Шорохов, Л.П. Церковь в Сибири в конце XVII–XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л.П. Шорохов. – Новосибирск, 1971.
4. Шорохов, Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. (развитие феодальных отношений и их особенности) / Л.П. Шорохов. – Красноярск, 1983.
5. Кузьмина, А.С. Христианизация коренных народов Обского Севера: культурологический анализ / А.С. Кузьмина. – Нижневартовск, 2004.
6. Ислаев Ф.Г. Религиозная политика российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе (XVIII век) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ф.Г. Ислаев. – Казань, 2005.
7. Синелина, Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России / Ю.Ю. Синелина. – М., 2004.
8. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А.Б. Каменский. – М., 2001.
9. Русское православие: вехи истории / научн. ред. А.И. Клибанов. – М., 1989.
10. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое (ПСЗ-1) (1649–1825). – СПб., 1830.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 332.
12. Тобольский филиал архива Тюменской области (ТФ ГАТО). – Ф. 156. – Оп. 1. – Т. 1. – 1770. – Д. 44.
13. ТФ ГАТО. – Ф. 156. – Оп. 1. – 1751. – Д. 151.
14. Бутанаев, В.Я. Этническая история хакасов XVII–XIX вв. / В.Я. Бутанаев // Материалы к серии «Народы Советского Союза». – М., 1990. – Вып. 3.
15. РГАДА. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 237.
16. ТФ ГАТО. – Ф. 156. – Оп. 1. – 1760. – Д. 111.
17. ТФ ГАТО. – Ф. 156. – Оп. 1. – 1757. – Д. 11.
18. ТФ ГАТО. – Ф. 156. – Оп. 1. – 1760. – Д. 2.
19. ТФ ГАТО. – Ф. 156. – Оп. 1. – 1779. – Д. 63.
20. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина первая. 1772–1773 / П.С. Паллас ; пер. В. Зуева. – СПб., 1788.